

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВОВОМ ПРОГРЕССЕ И. КАНТА И Г. В. Ф. ГЕГЕЛЯ

Архипов Сергей Иванович

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета,
приглашенный профессор Университета «Париж X – Нантер» (Екатеринбург), e-mail: arhip10@mail.ru

Анализируются критерии правового прогресса, основные этапы социально-правового развития, выделяемые И. Кантом и Г. В. Ф. Гегелем. Рассматриваются их идеи об источниках развития общества, человеческих задатках, способствующих и препятствующих правовому прогрессу, о совершенном правовом устройстве общества. Автор указывает на достоинства и выступает с критикой отдельных положений данных концепций.

Ключевые слова: правовой прогресс, источники развития общества, критерий правового прогресса, правовой идеал, правовая свобода, совершенное правовое устройство общества

I. KANT'S AND G. W. F. HEGEL'S VIEWS ON LEGAL PROGRESS

Arkhipov Sergey

Ural State Law University, University Paris X – Nanterre (Yekaterinburg), e-mail: arhip10@mail.ru

The author analyzes the criteria for legal progress, the main stages of socio-legal development highlighted by I. Kant and G. W. F. Hegel. He reviews their ideas about the sources of development of society, human inclinations contributing to or impeding legal progress as well as a perfect legal order of society. The author points out strengths and weaknesses of both philosophical concepts.

Key words: legal progress, sources of development of society, criterion for legal progress, legal ideal, legal freedom, perfect legal order of society

В теории правового прогресса можно выделить две наиболее значительные фигуры, двух крупнейших мыслителей, чьи идеи на протяжении длительного времени оказывают существенное влияние на общественное сознание, позволяют заглянуть в будущее человечества, понять, как должен быть устроен социальный мир. Речь идет об Иммануиле Канте и Георге Вильгельме Фридрихе Гегеле. Закономерности социально-правового развития, критерии правового прогресса, внутренние и внешние силы, приводящие в движение человеческие массы, конечная цель правового развития, факторы, способствующие и препятствующие общественному прогрессу, – эти и другие проблемы нашли отражение в трудах великих немецких мыслителей. Двести лет назад они определили общие контуры правового государства как социально-правового идеала, к которому необходимо стремиться человечеству, сформулировали идею достижения всеобщего мира между государствами и народами, которая остается чрезвычайно актуальной для мирового сообщества.

Концепция социально-правового прогресса И. Канта. Иммануил Кант, анализируя закономерности исторического развития, логику всеобщей истории, пришел к выводу о том, что люди, сами того не осознавая, стремятся к достижению неведомой им цели природы, осуществлению ее «тайного плана». В каждом человеке изначально заложены определенные качества, способствующие его постоянному целесообразному совершенствованию. Однако эти задатки в силу скоротечности человеческой жизни не могут

в полной мере развиться в отдельном индивидуе, но способны реализоваться в эволюции человечества как рода. В этом смысле существование человеческого рода – история поступательного, закономерного развития заложенных в нем природой первичных свойств, задатков¹.

Природа, согласно Канту, подталкивает человека к тому, чтобы он сам добивался лучшей жизни, заслужил своего счастья, стремился к внутреннему совершенству, а также к созданию лучшего социального устройства. В качестве источника социального развития он указывал на общественные антагонизмы, недоброжелательную общительность людей, приводящую к раздорам, разъединению: «Человек хочет согласия, но природа лучше знает, что для его рода хорошо; и она хочет раздора»². Соперничество, вражда приводят в действие социальную систему, заставляют людей развиваться, преодолевая свойственную им от природы лень, инертность. Главная цель, во имя достижения которой природа наделила человека необходимыми для него качествами, – всеобщее гражданско-правовое состояние, такое справедливое и разумное устройство общества, в котором свобода получает наиболее полное осуществление.

По мнению Канта, одна из наиболее сложных задач, которую должен решить человеческий род на пути к предустановленной природой цели, – научиться не злоупотреблять своей свободой, не нарушать интересы других лиц, уважать их достоинство, права. В своих инстинктах, нерациональных поступках человек уподобляется животному, которое нуждается в господине, ограничивающем его произвол, принуждающем его подчиняться общепринятым нормам. Но где найти такого господина, разумного, справедливого и лишённого свойственных человеку животных инстинктов? Поскольку в мире, где живет человек, нет существ, обладающих такими качествами, то он должен искать себе господина среди представителей человеческого рода. Назначенный властвовать над другими людьми господин сам нуждается в поводе, в собственном господине (поскольку властитель, будучи человеком, не может быть абсолютно беспристрастным, объективным и разумным). Для Канта это самая трудноразрешимая из всех проблем, стоящих перед человечеством, которое стремится создать приемлемое для себя общественное мироустройство.

Согласно концепции Канта история человечества начинается с естественного состояния – «эпохи покоя и мира»³, где еще нет права, законов, государства, суда. В этот период люди живут и развиваются, как природные существа. Затем происходит переход в эпоху «труда и раздора»⁴; это и есть начало социальной истории: неравенства, конфликтов и свободы. Появляются социальные институты, элементы государственного устройства, культура, искусство. Нарастающее общественное неравенство является источником, с одной стороны, социального зла, несправедливости, безнравственных поступков, с другой – всего позитивного, полезного, доброго. Конечная веха социальной истории – достижение такого состояния, в котором будут реализованы задатки человеческого рода.

Государство, по мнению Канта, должно строиться по принципу правового объединения граждан, соответствовать чистым принципам права. По форме оно должно быть республикой, основывающейся на идеях свободы индивидов, их равенства и подчинения общему закону (единому законодательству). Государству необходимы три власти: законодательная (верховная), исполнительная и судебная. Законодательная власть может принадлежать лишь самому народу: «Только всеобщим образом объединенная воля народа

¹ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 12–14.

² Там же. С. 17.

³ Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Соч. Т. 8. С. 82.

⁴ Там же.

может быть законодательствующей»¹. Исполнительная власть может принадлежать правительству (моральному лицу) или правителю (физическому лицу). Правительство или правитель назначает должностных лиц, осуществляющих управление государством, принимает в соответствии с законом предписания, постановления. Исполнительная власть не может осуществлять правосудие и законотворческую деятельность. Судебная власть должна присуждать каждому свое в соответствии с законом, ее опосредованно осуществляет сам народ (через суд присяжных). Все три власти должны быть скоординированы, дополнять друг друга, при этом каждая из них не может выполнять функции других.

В глобальном плане человечеству необходимо стремиться к искоренению причин, оснований возникновения новых войн. Идея «вечного мира» красной нитью проходит через многие произведения И. Канта, состояние мира не рассматривается им в качестве естественного состояния людей и народов, его необходимо достичь. И. Кант полагал, что преодолеть войну можно путем создания общепланетарного государства народов, но этого не желают суверенные государства. Поэтому «чтобы не все было потеряно», он соглашается на «негативный суррогат союза, устраняющего войны»², – федерацию свободных государств. Цель данного объединения (федерации государств) – не достижение мирового могущества, власти, а устранение навсегда всех войн.

Развивая свои представления о вечном мире, И. Кант предлагал идею всемирного гражданства, согласно которой люди должны быть гражданами «общечеловеческого государства»³. По сути, это проект трансформации международного права, созданного для государств, в общечеловеческое право (*cosmopolitan law*), предназначенного для граждан мира (предполагающий переход от международного к космополитическому порядку, в котором каждое государство является подчиненной стороной)⁴. И. Кант осознавал препятствия на пути достижения заявленной им цели, но был уверен в том, что это не пустая идея, а постепенно решаемая задача. Для него установление всеобщего мира – не просто часть, а конечная цель его учения о праве.

Движение по пути культурного прогресса, по мнению немецкого философа, иногда может прерываться, но никогда не прекратится, не пойдет вспять. При этом развитие моральных качеств людей может отставать от прогресса их индивидуальных способностей, дарований, навыков, умений, что несет опасность для всего человеческого рода, его нравственности. Однако «нравственные задатки человечества, которые всегда плетутся позади... когда-нибудь все же (при наличии мудрого правителя мира) перегонят ее [культуру одаренности, умения и вкуса], тем более что она в своем поспешном беге то и дело сама создает себе препятствия и часто спотыкается»⁵.

Приближению к заветной цели исторического развития человеческого рода должно способствовать просвещение людей, с которым И. Кант связывал преодоление религиозных и иных заблуждений, укоренившихся предрассудков. Оно способно оказать влияние не только на индивидуальное сознание, помыслы и поступки отдельных людей, но и на всю систему государственного управления, сложившиеся принципы принятия и осуществления государственных решений. Целенаправленное организованное просвещение народа – фундамент для поступательного развития общества. Важным пунктом этого

¹ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч. Т. 6. С. 345.

² Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Соч. Т. 7. С. 22–23. По Канту, идея международного права предполагает раздельное существование государств, их суверенитет, независимость друг от друга (Там же. С. 34), следовательно, она несовместима с идеей общепланетарного государства народов.

³ Там же. С. 13, 26.

⁴ Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // Вестн. рос. философ. общества. 2003. № 3. С. 16.

⁵ Кант И. Конец всего сущего // Кант И. Соч. Т. 8. С. 210

процесса он видел осмысление истории не как эмпирической науки, описывающей множество случайных фактов, событий, а как концепции закономерного приближения людей к предначертанной природой цели – всемирному гражданско-правовому состоянию¹. По сути, речь идет о разработке философско-исторической теории социально-правового прогресса человечества, которая должна объяснять не только прошлое, но и будущее, быть «нитью Ариадны», указывающей людям путь общественного развития, достижения совершенного социального устройства, тем самым содействовать осуществлению «тайного плана природы».

Право И. Кант рассматривал как совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы². В своем понимании права он исходил из естественно-правовых оснований, из идеи свободы, однако при этом не отвергал необходимость принуждения в праве. Право каждого лица должно быть гарантировано, защищено, оно связано с правомочием принуждать (закон взаимного принуждения, согласующегося со свободой каждого). И. Кант утверждал: «Наш долг состоит в том, чтобы глубоко уважать право других и как святыню ценить его. Во всем мире нет ничего более святого, чем право других людей»³. Право для немецкого философа – высшая ценность в мире свободы и разумного социального порядка. Его позиция была принципиально отлична от позиций авторов этических воззрений, согласно которым право – это минимум нравственности. Право, если понимать его как непозитивное, естественное, воплощает в себе социальный идеал (следовательно, замысел природы), к которому нужно стремиться; оно есть священный правитель, «все моралисты и учителя должны настолько, насколько это возможно, представлять действия из доброты, как действия по долгу, и сводить их к праву»⁴.

Достоинства и недостатки кантовской концепции социально-правового прогресса. Оценивая в целом представления И. Канта о правовом прогрессе, можно отметить особую притягательную силу того идеала, к которому, по мысли автора концепции, должно стремиться человечество – достижение всемирно-гражданского состояния. После двух мировых и множества локальных войн в XX столетии осознание необходимости построения системы всеобщего мира стало еще более актуальным, чем двести лет назад. Каждый новый виток международной политической напряженности, кровавый военный конфликт, акт агрессии одного государства по отношению к другому подталкивает народы к пониманию неизбежности следования тому пути развития, который был предложен И. Кантом. Человечество за прошедшее время не открыло для себя другой, более актуальной цели социально-правового прогресса.

Не утратили актуальности идеи немецкого философа о внутреннем устройстве, организации правового сообщества, названного его последователями правовым государством. Однако если сама идея правового государства в целом получила признание и конституционное закрепление в ряде стран, то конкретные элементы, которые оно должно в себя включать, а также принципы его организации и функционирования до сих пор являются дискуссионными. Главная проблема, как представляется, заключается в отсутствии детализации общего замысла будущего социально-правового устройства. Философская идея И. Канта не получила необходимой теоретико-правовой концептуализации, детальной юридической проработки, она так и осталась «философским облаком», не воплотилась в принятый проект социально-правовых преобразований.

¹ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. С. 26–28.

² Кант И. Соч.: 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

³ Кант И. Из «Лекций по этике» (1780–1782гг.) // Этическая мысль: науч.- публицист. чтения. М., 1988. С. 306.

⁴ Там же. С. 308.

Также в предложенной немецким мыслителем модели государства политическая идея власти не вполне стыкуется с правовой идеей (принципом) совмещения произвола одного с произволом другого с точки зрения закона свободы. Это два разных коммуникативных принципа, за каждым из которых стоит своя система социального взаимодействия. Государство, создаваемое для того, чтобы властвовать над гражданами, по своей природе отлично от организации, союза, призванного служить ее (его) участникам, совмещать их интересы и способствовать их осуществлению. Механическое соединение в одном организационном устройстве двух разнородных коммуникативных систем представляется трудноразрешимой задачей. Может быть, именно по этой причине проект правового государства (по кантовской терминологии – «гражданско-правового состояния») так и не получил практической реализации.

Кроме того, если следовать Канту, то в человеке заключены не только позитивные задатки, способствующие социально-правовому прогрессу, но и негативные качества, животные начала. Но откуда тогда уверенность в том, что именно положительные качества индивида смогут воплотиться в социальной жизни, что животные стремления, антисоциальные порывы не возобладают? В этом смысле показателен XX в., который продемонстрировал миру обратное движение человечества – к безнравственному, аморальному, антиправовому поведению, к созданию тоталитарной государственности. Очевидный прогресс в технической и технологической сфере и регресс в моральном, правовом отношении. «Просвещенная» трудами И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля германская нация почему-то не вдохновилась их правовыми идеалами, а предпочла идею мирового господства, порабощения и уничтожения других народов. Один из наиболее прогрессивных в техническом и технологическом отношении народов вместо использования своих научных достижений во имя высоких социально-правовых целей пошел по пути создания концентрационных лагерей, газовых камер, ядерных бомб, первых ракетных систем. Сам И. Кант, осознавая уязвимость своего вывода о неизбежности достижения человечеством указанного им идеала, был вынужден признать: «Благодаря Провидению будет достигнута цель человеческого рода»¹. Философ неспроста взывал к Провидению: вероятно, у него были сомнения в собственной правоте, в возможности осуществления его глобального социально-правового проекта, поэтому свои рациональные доводы он вынужден был усиливать, укреплять аргументом веры.

Гегелевские представления о правовом прогрессе. Согласно Г. В. Ф. Гегелю идея права – это свобода, его исходным началом выступает воля, «которая свободна; так что свобода составляет ее субстанцию и определение и система права есть царство осуществленной свободы»². Свобода есть главное определение воли, она образует ее «материю», субстанцию. Гегель, формулируя свое отношение к кантовским рассуждениям о праве, отметил, что произвол есть не воля в ее истине, а воля в качестве противоречия; обыкновенный человек полагает, что он свободен, если ему дозволено действовать по своему произволу, между тем именно в произволе заключена причина его несвободы. Влечения, по его мнению, должны быть разумной системой волеопределения; такое их понимание, развитое из понятия, и есть содержание науки о праве³.

Представляется, что это замечание Гегеля верно лишь отчасти. Право как рациональная система, как мир духа, порожденный им самим, действительно предполагает осознанную волю, освобожденную от случайностей и возвышенную до всеобщности. Однако очищенная от всего чувственного, рафинированная воля – это, на наш взгляд, конеч-

¹ Кант И. О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Соч. Т. 8. С. 203.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 67.

³ Там же. С. 80–83.

ная цель, к которой должна стремиться правовая система, желаемый результат правовой коммуникации. Система правового взаимодействия должна быть такова, чтобы, имея «на входе» случайные, произвольные влечения участников взаимодействия, «на выходе» в результате диалога заинтересованных лиц обеспечить их разумное волеопределение. Правовая коммуникация – это движение от произвола к рациональной, осознавшей себя, самоопределившейся и совмещенной с произволом других лиц юридически оформленной воле. В этом смысле можно признать и правоту И. Канта, который оперировал понятием произвола в определении права, поскольку нет смысла совмещать разумную волю, которая уже является совмещенной, поскольку разумна.

Право для Гегеля представляет собой «нечто *святое вообще* уже потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы»¹. Прогресс права – это прогресс свободы, восходящая лестница, где каждой ступени развития идеи свободы соответствует свое, особое право. Противопоставление морали, нравственности праву имеет смысл лишь применительно к абстрактному, формальному праву; мораль, нравственность, государственный интерес как ступени развития свободы есть особые формы права. Таким образом, по Гегелю, следует различать *форму абстрактного права* (опосредующую единичную волю субъекта, взятую в ее непосредственности), *форму морального права* (закрывающую в себе волю, «определившуюся в качестве субъективной единичности в противопоставлении всеобщему») и *форму нравственного права* (в которой объединяются самостоятельность индивидуальности со всеобщей субстанциональностью)².

На ступени абстрактного права (первая ступень развития идеи свободной воли) лицо, по мысли Гегеля, проявляет себя с внешней стороны – как признаваемый правопорядком правоспособный субъект, владеющий вещами (собственник), участник договорных отношений, правонарушитель, наносящий ущерб кому-либо своими действиями. На ступени морального права лицо представлено с внутренней стороны – как субъективная воля, обращенная сама к себе. На данной ступени имеют значение преследуемые субъектом цели, намерения, умысел, а также вина воли, совесть как самосознание субъекта. Нравственное право (как высшая ступень) представляет собой единство субъективного и объективного, в нем правовое и моральное соединяются, идея свободы получает социальное воплощение в семье, гражданском обществе или государственном устройстве.

Идея возвышения воли, возникшей из естественного состояния необузданности, до всеобщности, разумной свободы получила дальнейшее развитие в гегелевской философии истории. Гегель истолковывал всемирную историю как последовательное развитие мирового духа, в себе и для себя разума и полагал, что она шествует с Востока на Запад: Азия – ее начало, рассвет, Европа – ее закат, конечный пункт³. История, по мнению Гегеля, начинается с формирования государственности, с возникновения самосознания, способности к законотворчеству. До государства не было истории, оно появилось в восточном мире, а вместе с ним – и социальная история. Для восточного мира характерны непосредственное, монолитное сознание, непоколебимая вера, повиновение поданных. Глава государства – патриарх, тот, вокруг кого вращается государство, кому принадлежит всё, он объединяет в себе светскую власть и духовную, является верховным жрецом или богом, он высший руководитель, законодатель, судья.

Греческому миру (второй период всемирной истории) присущи наличие индивидуальной свободы, формирование нравственного начала, развитие культуры, стремление к справедливости, привычки к соблюдению законов. У индивида как субъекта права появляется возможность свободного выбора, возникают новые формы принятия государст-

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 90.

² Там же. С. 90–95.

³ Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Гегель Г. В. Ф. Соч.: в 14 т. М.; Л., 1935. Т. VIII. С. 98.

венных решений, образуется демократический строй. Однако вместе со свободными индивидами существует сословие несвободных – рабов. Если Восток – это отрочество, то Греция – юношеский период истории человечества¹.

Римский мир (третий период всемирной истории) представляет собой, согласно Гегелю, царство абстрактной всеобщности. В нем индивидуальность приносится в жертву общей цели, которая воплощается в римском государстве, основанном не на нравственной связи свободных людей, а на субординации, систематическом насилии, военной власти. Индивидуум низводится до частного лица (субъекта частного права), его общий интерес обособляется, приобретает характер абстрактной всеобщности. Противостояние двух начал (частного самосознания и абстрактной всеобщности) в конечном счете приводит к внутреннему разложению и гибели Рима².

Четвертый период всемирной истории («старческий») Гегель связывал с германскими (северными) народами. Это период полной зрелости духа, когда разум воплощается в действительность. Государство отделяется от церкви, более не принадлежит ей, формирует себя исходя из собственных (мирских) принципов. Германский мир есть царство свободной воли, которая есть принцип, основа всякого права, а также общественного сознания. Государственный строй предполагает свободу собственности и свободу личности, разумное государственное управление (под которым Гегель понимал деятельность, направленную на реализацию законов, выполнение их требований); править в государстве, по его мнению, должны знающие, лучшие. Германское государство – это высшая ступень самосознания духа, полное осуществление идеи свободы³.

В рамках общей картины социально-правового прогресса Гегель рассматривал закономерности развития отдельных правовых институтов: собственности, договора, брака, наказания, правосудия и др. Институт собственности регулирует внешнюю сферу свободы лица, посредством собственности «снимается голая субъективность личности»⁴. Развитие отношений собственности происходит по общим социальным законам, собственность стремится к свободе, в идеале она должна быть полной, свободной собственностью. По мнению философа, если свобода лица начала утверждаться в качестве всеобщего принципа более полутора тысяч лет назад благодаря христианству, то развитие собственности запаздывает, лишь относительно недавно принцип свободы собственности в некоторых странах получил юридическое признание. В этом он видел заслугу юристов: «Определение собственности является громадным прогрессом, который часто не ценят так, как следовало бы ценить»⁵; по его мнению, памятники следует поставить тем, кто освободил собственность⁶. Отношения собственности должны распространяться не только на телесные, физические объекты, но и на знания, умения, таланты, другие духовные способности человека, которому предоставлена возможность придавать им внешнее существование, отчуждать их. Правовое овнешнение ведет к тому, что свойства лица, его внутренняя собственность становятся собственностью в правовом смысле.

Институт обязательств также основан на идее свободной воли, которая посредством договора получает наличное бытие. В договоре, согласно концепции Гегеля, интерес разума состоит в том, чтобы субъективная воля достигла общности с другой волей (волей иных участников соглашения). Договорные отношения есть развитие, продолжение отношений собственности, договор предполагает, что вступающие в него лица признают

¹ Гегель Г. В. Ф. *Философия истории*. С. 100–101.

² Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. С. 376.

³ Гегель Г. В. Ф. *Философия истории*. С. 103, 104, 328–422.

⁴ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. С. 101.

⁵ Там же. С. 403.

⁶ Там же. С. 402.

друг друга собственниками¹ (в этом смысле «стены», возведенные современной юридической доктриной между вещным и обязательственным правом, во многом искусственны). Исходя из гегелевского тезиса можно утверждать, что каждый новый вид обязательств – это очередной виток развития отношений собственности, социальной свободы собственника как распорядителя вещи. Появление каждого нового договора расширяет круг коммуникативно-правовых возможностей владельца вещи (как потенциального продавца, лизингодателя, учредителя доверительного управления и т. д.).

Поскольку стороны договора сохраняют свою особую волю, то договор не выходит за пределы произвола и тем самым остается во власти неправа, в нем отсутствует сторона в себе сущего всеобщего². Если развивать данное положение Гегеля, то договорные отношения, которые сегодня рассматриваются как отношения между частными лицами, каждое из которых стремится осуществить свой произвол, в будущем должны преодолеть границы неправа, возвыситься до правовой всеобщности. По сути, в правовом государстве не может быть частных лиц (следовательно, частного права), участники договорных отношений – это субъекты всеобщей правовой корпорации (государства), творцы правового всеобщего.

Институт брака, по мнению Гегеля, нельзя рассматривать в контексте договора³, как разновидность договорных отношений, что принципиально расходится с позицией Канта. Брак Гегель определял как «правовую нравственную любовь»⁴, исключая из нее все преходящее, зависящее от настроения супругов и просто субъективное. Поскольку брак в своей основе является нравственным отношением, то его нельзя отождествлять с сожительством, удовлетворением естественных потребностей людей, а также со страстью; цель брака столь высока, что все остальные цели меркнут перед ней, подчинены ей. Исходя из нравственной природы брака, его следует признавать нерасторжимым, но поскольку он имеет чувственное основание, которое неустойчиво, то должен предполагать возможность расторжения. Детей, по убеждению Гегеля, нельзя рассматривать как принадлежности (вещи) родителей; рабское положение детей в Римском государстве он оценивал как антиправовой институт, как оскорбление нравственности. Таким образом, развитие института брака философ видел, с одной стороны, в неразрывной связи с укреплением его нравственных основ, с другой – в последовательном осуществлении принципа правовой свободы, женской и детской эмансипации, устранении правового бесправия, неравенства членов семьи.

Правовой институт наказания, как утверждал Гегель, предполагает совершение преступления как подлинного, преднамеренного неправа, когда «не уважается ни право в себе, ни право, каким оно мне кажется, в котором, следовательно, нарушены обе стороны, объективная и субъективная»⁵. Наказание не может применяться за мысли, убеждения лица, поскольку это область морального, где насилие не имеет смысла. Наказание преступника Гегель рассматривал как поражение его воли, как снятие преступления, восстановление права. Институт наказания должен не противостоять идее правовой свободы, а корениться в ней. Наказание должно быть справедливым и выражать наличное бытие свободной воли самого преступника как разумного существа, осознающего свой поступок, совершенное им деяние. Нужно, чтобы наказание соответствовало характеру нарушения в качественном и количественном отношениях (было равным ему в ценностном плане). Возмездие за преступление не должно быть неправовым, необходимо

¹ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. С. 128.

² Там же. С. 137, 140–141.

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же. С. 210.

⁵ Там же. С. 141.

соблюсти меру при определении наказания; при этом философ допускал возможность смертной казни.

Исследуя институт судопроизводства (суда), Гегель пришел к выводу о том, что с точки зрения понятия предмета не имеют значения отдельные исторические формы осуществления правосудия: патриархальные, насильственные и т. д. Суд должен осуществлять познание и претворять в жизнь право (закон) применительно к каждому конкретному случаю, при этом не навязывая свой особый интерес¹. Гегель трактовал правосудие как право и как обязанность государственной власти: правители должны признавать над собой власть суда, быть подсудными. Он предлагал вменить сторонам в обязанность обращаться до передачи дела в официальный суд сначала к третейскому, мировому суду, пытаться достичь взаимного согласия в споре. Поскольку решение суда может затрагивать интересы не только непосредственных участников, то судопроизводство должно иметь публичный характер (за исключением совещания членов суда). Фактические обстоятельства по делу надлежит устанавливать не только судье – каждый образованный человек способен судить о них; при этом важно обрести не истину в полном смысле, а собственную уверенность, которая представляет собой субъективное убеждение, основанное на совести. Поэтому определение виновности и невиновности должно быть делом суда присяжных. Таким образом, суд как правовой институт в своем развитии должен двигаться в сторону достижения объективности, беспристрастности процесса, применения всеобщего правового закона к конкретному (особому) случаю.

Достоинства и недостатки гегелевской концепции правового прогресса. Гегелевские представления о правовом прогрессе – это глобальная по масштабу и детальная по степени проработанности картина развития духа в его систематической и исторической формах. Для юристов принципиально важно, что Гегель трактовал *социально-исторический прогресс как прогресс правовой*², следовательно, по его мнению, вне права и без права поступательное развитие общества, социальных институтов невозможно, без права нет социальной истории. Также весьма ценным представляется соединение в его концепции анализа основных вех, этапов всемирной истории человечества с исследованием генезиса отдельных, наиболее важных социально-правовых институтов: собственности, договора, брака, наказания, судопроизводства и др.

Что касается недостатков концепции Гегеля, то он, как и Кант, рассматривал социальное развитие как однонаправленное, последовательное, восходящее движение людских масс, для него история – «золотая» лестница, по которой человечество неизбежно придет в свое счастливое будущее – в царство свободы. В этой телеологической модели разум соседствует с верой, а свобода воли, предполагающая возможность осуществления людьми социального выбора, включая определение будущего общественного устройства, превращается в собственную противоположность, в своего рода «диктатуру истории», когда человеческие поступки не зависят от тех, кто их совершает, предустановлены свыше, череда исторических событий задана заранее, при этом подчинена неведомой человеку высшей цели. В данной модели не учитывается одно важное обстоятельство – желание человечества идти по пути правового прогресса. Правовой путь тернист, ведь договариваться, согласовывать свои интересы с интересами контрагентов всегда сложнее, чем навязывать им свою волю более сильного участника. Поэтому отдельные индивиды и целые народы, если у них есть такая возможность, предпочитают идти не по пути правового прогресса, а по проторенной дороге, когда проблемы решаются примитивным, но эффективным способом грубого применения силы к своему оппоненту.

¹ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. С. 257.

² Нерсесянц В.С. *Философия права Гегеля*. М., 1998. С. 325.

Путь правового прогресса и путь организованного политического властвования – это два противоположных пути социального развития. У каждого своя социальная «цель», своя возможная всемирная человеческая история. Человек, будучи разумным существом, понимает целесообразность выбора правового пути, а как животное предпочитает путь насильственно-властного решения жизненных проблем. В реальной, т. е. нерафинированной, человеческой истории можно наблюдать постоянную «борьбу» двух тенденций социального развития, в которой нет однонаправленности, четко выраженной последовательности восхождения к правовой цели, а есть противостояние двух начал и всегда существует выбор между ними. В этой нефilterованной истории государства и народы, когда видят перед собой заветную перспективу мирового господства, почему-то предпочитают идти в данном направлении, забывая о предназначенной им свыше социально-правовой цели.

Также оспоримой представляется гегелевская идея о разделении права на абстрактное, моральное и нравственное, каждое из которых выступает в качестве ступеней свободы, развития духа. Абстрактное и моральное право в его конструкции противостоят друг другу скорее как внешнее и внутреннее, чем как разные ступени на пути правового прогресса. Субъективная воля проявляет себя вовне, объективируется в договорных отношениях, собственности, проступках, преступлениях и в этом аспекте является предметной для права. Что касается состояния самоопределения субъективной воли как некой единичности в противопоставлении всеобщему, то оно как внутреннее состояние духа не относится к предмету права и не может составлять отдельную правовую ступень, вежу на пути правового прогресса.

Также вызывает возражения идея выделения нравственного права как наивысшей ступени социально-правового развития, представляющего собой единство субъективного и объективного, правового и морального. Дело в том, что семья и гражданское общество – это не субъекты права, не правоспособные лица, аккумулирующие «правовой дух». На ранних ступенях общественного развития семья действительно была субъектом права, собственником имущества, участником правовых отношений (Древний Рим), однако после своего расщепления на отдельные правовые «атомы» (муж, жена, дети) она перестала быть правовым лицом, утратила свою правоспособность. Гражданское же общество как таковое никогда не представляло собой правовой целостности, оно состоит из множества самостоятельных субъектов права, поэтому считать его чем-то синтетическим в правовом смысле некорректно. Государство может выступать правовым субъектом, носителем «правового духа», но его нельзя, как предлагал Гегель, противопоставлять собственности как чему-то низшему, непосредственному, «примитивному». Если рассматривать государство как источник нравственности, то «нравственному» государству должна корреспондировать нравственная собственность, одно без другого невозможно. В этом смысле гегелевское противопоставление абстрактного и нравственного права, собственности и государства как их составляющих лишено смысла.

Наконец, сомнение вызывает взгляд на всемирную историю как на берущую свое начало с Востока и заканчивающуюся на Западе. Если, согласно Гегелю, его философия «есть последовательность, которая не висит в воздухе, не непосредственно начинающаяся, но образующая круг»¹, то описываемая им всемирная история должна совершить свой круговорот. История, начавшаяся с Востока, должна вернуться к своим истокам. Наметившийся в последние десятилетия подъем стран Востока свидетельствует о том, что «угасающему» Западу есть кому передать эстафету социального прогресса, что челове-

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 61

ческая история, по всей видимости, еще не достигла последнего пункта. Конец истории, как справедливо отмечает А. П. Семитко, означает «прекращение всяческого развития, это полный разрыв с диалектикой – душой гегелевской методологии»¹.

На наш взгляд, представления Гегеля о конце всемирной истории – это, скорее, дань его национально-политическим предпочтениям, проявление его личной симпатии к особому «германскому духу», чем нейтральный, «методологически чистый» проект; он искусственно обрывает ход социальной эволюции, произвольно загоня «поезд истории» в «германский тупик». Гегель рассматривал историю преимущественно в парадигме Д. Вико, в которой главными действующими лицами, субъектами прогресса являются отдельные народы, нации. Но кроме народов и наций существуют и другие субъекты-творцы истории: индивиды, корпорации, государственные объединения, мировое сообщество в целом. То, что недостижимо для отдельных наций и народов, возможно, будет посильным для всего человечества, и за витком национальной истории последует новый период истории человечества, достигшего, говоря кантовским языком, «всемирного гражданского состояния». Собственно, тот период социальной истории, который брал во внимание Гегель (от Китая и Египта до германского мира), – это еще не правовая история в строгом смысле, поскольку правовая свобода, ее субъекты, правовой тип коммуникации тогда только формировались, в недрах политического строя лишь начинали созревать ростки социума, базирующегося на иных, правовых принципах. То, что германский философ называл «концом истории», быть может, есть лишь переходный этап от политической модели устройства общества, основанной на идее господства и подчинения, к правовой, исходящей из идеи разумного совмещения воли свободных и равных социальных субъектов, т. е. это только начало правовой истории человечества.

Список литературы

- Гегель Г. В. Ф. *Философия истории* // Гегель Г. В. Ф. Соч.: в 14 т. М.; Л., 1935. Т. VIII.
Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990.
Кант И. *Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане* // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 8.
Кант И. *Из «Лекций по этике» (1780–1782 гг.)* // *Этическая мысль: науч.-публицист. чтения*. М., 1988. С. 306.
Кант И. *К вечному миру. Философский проект* // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 7.
Кант И. *Конец всего сущего* // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 8.
Кант И. *Метафизика нравов* // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 6.
Кант И. *О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики»* // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 8.
Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2.
Нерсесянц В.С. *Философия права Гегеля*. М., 1998.
Семитко А. П. *Развитие правовой культуры как правовой прогресс*. Екатеринбург, 1996.
Хабермас Ю. *Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре* // *Вестн. рос. философ. общества*. 2003. № 3.

References

- Gegel' G. V. F. *Filosofiya istorii* // Gegel' G. V. F. Soch.: v 14 t. M.; L., 1935. T. VIII.
Gegel' G. V. F. *Filosofiya prava*. M., 1990.
Kant I. *Ideya vseobshhej istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane* // Kant I. Coch.: v 8 t. M., 1994. T. 8.
Kant I. *Iz «Lekcij po ehtike» (1780–1782 gg.)* // *Ehticheskaya mysl': nauch.-publicist. chteniya*. M., 1988.
Kant I. *K vechnomu miru. Filosofskij proekt* // Kant I. Coch.: v 8 t. M., 1994. T. 7.
Kant I. *Konec vsego sushhego* // Kant I. Coch.: v 8 t. M., 1994. T. 8.
Kant I. *Metafizika npravov* // Kant I. Coch.: v 8 t. M., 1994. T. 6.

¹ Семитко А. П. *Развитие правовой культуры как правовой прогресс*. Екатеринбург, 1996. С. 55.

Kant I. О поговорке «Mozhet byt', ehto i verno v teorii, no ne goditsya dlya praktiki» // *Kant I. Soch.:* v 8 t. M., 1994. T. 8.

Kant I. Soch.: v 6 t. M., 1965. T. 4. Ch. 2.

Nersesyanc V. S. Filosofiya prava Gegelya. M., 1998.

Semitko A. P. Razvitie pravovoj kul'tury kak pravovoj progress. Ekaterinburg, 1996.

Xabermas Yu. Diskussiya o proshlom i budushhem mezhdunarodnogo prava. Perexod ot nacional'noj k postnacional'noj strukture // *Vestn. ros. filosof. obshhestva.* 2003. № 3.